

СЕРИЯ

РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

СЕРИЯ

РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

Ирина Ракша

ЗВЕЗДА НА ЛАДОНИ

*Россия принадлежит русским,
и всякий, кто живёт на этой земле,
обязан уважать и ценить этот народ.*
Император Александр III Миротворец

Москва
Интернациональный Союз писателей
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6
Р19

Р19 Ракша, Ирина

Звезда на ладони / Ирина Ракша. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2023. – 324 с. – (Серия «Родина Зовёт!» премии им. А. Т. Твардовского).

ISBN 978-5-6050651-0-4

Перед вами замечательная книга. Это не только художественная проза большого мастера слова. В ней редкая информация «о времени и о себе», о героях веков минувших и дне сегодняшнем, это интереснейшие мемуары, воспоминания. Эта книга словно энциклопедия времени. Автор книги Ирина Евгеньевна Ракша – известный писатель, кавалер государственных наград, лауреат литературных премий. Её имя включено в энциклопедии, в «Книгу рекордов России». В её честь Российская академия наук назвала малую планету № 5083 ИРИНАРА. Имеет звания: академик Академии российской словесности, народный писатель РФ, «Золотое перо России».

ИТАК, вы на пороге увлекательного чтения и новых открытий!

На обложке книги фрагмент картины художника Юрия Ракши «Мадонна с младенцем».

**УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-6050651-0-4

© И. Ракша, 2023

От автора

Я москвичка в четвёртом поколении, родилась в Останкино. Родители – выпускники ТСХА, агрономы. В войну с фашистами мой отец-танкист дошёл до Берлина. Мы с мамой пережили в Сибири эвакуацию. В Москве я училась в общеобразовательной и музыкальной школах. С 1954 по 1957 год работала на целине, на Алтае, в совхозе «Урожайный». Вернувшись в Москву, поступила во ВГИК (сценарный факультет). Получив диплом, окончила и Литинститут им. А. М. Горького (ВЛК).

В течение жизни опубликовано немало книг художественной прозы. По моим сценариям снят и ряд кинофильмов, как игровых, так и документальных.

Мой многолетний учитель по Литинституту, великий поэт Михаил Светлов, написал обо мне статью, которая заканчивается так: «Ирина, я называю тебя талантливой! Смотри не подведи меня!»

И. Ракитина

I. Цветы запоздалые

Первая встреча

эссе

Встреча с Ней у каждого всегда своя, особенная. Эта встреча может быть случайной, а может быть и долгожданной. Однако в любом случае она запомнится навсегда, как первое свидание. И будет вспоминаться потом с особым теплом, с особым значением. А всё потому, что встреча эта не с человеком, не с явлением, а с... книгой, с Библией. И не просто книгой, которую называют самой древней, самой мудрой и великой на земле, рассказывающей историю жизни человечества от сотворения мира, от Адама и Евы. Но с книгой, несущей гигантский объем знаний, признанной христианской Церковью – богодухновенной. Написанной по Божьему промыслу святыми отцами – пророками и апостолами – в течение тысячелетий.

Впрочем, само слово «библия» в переводе с греческого и означает «книги». Не в единственном, а именно во множественном числе. Поскольку Библия объединяет не только две планеты – Ветхий Завет (известный до Рождества Христова) и Новый Завет – Евангелие (написанный после Рождества Христова). Но каждый из них состоит, в свою очередь, из множества книг – Святых Писаний, Законов, Заветов, Пророчеств, – созданных разными авторами и в разные времена.

К свиданию с Библией чаще всего не каждый из нас бывает готов, особенно в детстве. И особенно в минувшие «запретные», суровые десятилетия атеизма, в годы советской власти. У меня, к примеру, это свиданье состоялось в голодные и холодные военные годы Великой Отечественной войны.

— Запри-ка, детка, дверь на крючок... — как сейчас слышу озабоченно-ласковый голос бабушки. — И на задвижку тоже. И подойди ко мне.

В валенках, в платке на плечах она стоит у книжного шкафа и долго роется в нём. Наконец извлекает что-то потаённое, в платочке, от стены, из-за книг первого ряда. Разворачивает. И, мелко перекрестясь, поцеловав, осторожно ставит на полку чуть блеснувшую позолотой иконку Спасителя. Следом достаёт из тайника (который — за многотомным собранием сочинений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина) нетолстую книжку в зеленоватой истёртой обложке. Я уже знаю: это Евангелие, хранимое ею ещё с довоенных времён. И говорить об этой тайне кому бы то ни было строго запрещено.

Бабушка опять мелко крестится, шепчет:

— Каждый дом, детка, и наш тоже — он ведь как храм. Как же в нём без Евангелия?

Мы опускаемся на колени и на мгновение замираем. Сосредотачиваемся. Как говорит бабушка, готовимся к молитве Господней. «Поговорить с Боженькой». И посреди комнаты рядышком возникают две пары наших серых подшитых валенок. Два больших и два маленьких.

В нашей барачной комнате в Останкино тепло, хотя за окном мороз. Потрескивают дрова в буржуйке. Железное колено дымохода тянется над головами, оно выведено наружу через забитую фанерой форточку. По стёклам, не давая им обледенеть, ползут к подоконнику мокрые струйки. И, накопившись внизу, стекают по тряпочкам в бутылки, подвешенные на углах подоконника. Мама ещё не пришла с работы, она — агроном на сельхозвыставке — ВСХВ. Отец ещё не вернулся с войны. За окном зима сорок четвёртого. И мы с бабушкой тайком от всех каждый день молимся, чтоб его не убили.

— Отче наш, сущий на небесах, — вторя бабушке, шепчу я, уткнув лоб в холодные половые доски. — Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя... Сделай так, чтобы наш папа вернулся...

За одной стеной слышна музыка. Крутят на патефоне пластинки, танго и фокстроты. За другой – плачет грудной ребёнок. У соседки нет молока, пропало. И «дитя на глазах тает».

Я замерла на коленях, тугие косички скользнули с плеч на пол. Шепчу с жарким чувством:

– Хлеб наш насущный дай нам днесь...

Я не понимала, что значит «днесь». И бабушка объяснила:

– Это значит «только на сей день».

– А почему? – шепчу я. – А на завтра можно?

– Это смотря как будешь себя вести...

Я горячо отвечаю:

– Я буду, буду.

Продуктовые «рабочие» карточки в нашей семье только у мамы. Мы с бабушкой «иждивенки». И карточки у нас синие, «иждивенческие», квадратики с ноготок. Зато мы обе отовариваем мамини карточки: она – с утра, а я – после школьных уроков. Стоим

На фото:

1. Москва. ТСХА. Я на руках у мамы-студентки.
2. Украина, д. Пединовка. «Коза-дереза, дай молока».
3. Крым. «Артек».
4. Останкино. 1946 г. Дворец графа Шереметьева. Я на «потешной горке».
5. Москва. Николина Гора. С котом писателя М. Пришвина.
6. Израиль. Горный монастырь. В келье игуменьи Георгии.
7. Пицунда. Писатели: И. Ракша, А. Поперечный, И. Назарова.
8. Москва, Преображенка. У меня в гостях В. Е. Вучетич, редактор изд-ва «Молодая гвардия».
9. Студенты ТСХА у Кремлёвской стены. Перед началом ноябрьского парада.
10. Юрий, Ирина и Анечка Ракши у себя дома в Москве.
11. Мы в гостях у композитора Эдуарда (Алёши) Артемьева. Рядом – композитор Богдан Троцюк.
12. Москва. ЗАГС. Студенты ВГИКа Ирина и Юрий Ракши.
13. Москва. 1967 г. ВГИК. Сценарный факультет, защита диплома И. Ракши.
14. Вальтер Шеф (США) в гостях у И. Ракши.
15. Моск. обл., ст. Удельная. Мы с мамой в гостях у прабабушки М. А. Никольской.
16. Я в Пекине по приглашению художницы Дэн Линь (дочь Дэн Сяопина) с лекциями о русском искусстве.
17. Ирина Ракша за пианино у себя дома.
18. Мой друг, отличный писатель Леонид Сергеев.

по разным очередям. В разные ларьки и продмаги. За керосином и хлебом, за ржавой бочков́ой селёдкой, за лярдом, очень похожим на масло. И всюду надо успеть. Очереди мрачные, длинные, молчаливые. Порой занимать в них место надо с вечера. Подменяя друг друга. У меня на ладошках и худых запястьях подолгу не смываются цифры, выведенные прямо по коже химическим карандашом: тридцать три, пятьдесят четыре... — это порядковые номера в разных очередях и в разные дни.

— ...И прости нам дóлги наши, — приглушённо звучит у пола совместный шёпот — детский и старческий, — как и мы прощаем должникам нашим...

Что «дóлги» — это грехи, бабушка мне не сказала, и я долго думала: как это справедливо Христос призывает взаимно прощать друг другу долги. То есть долги соседям списывать начисто. Поскольку мы с мамой вечно были в долгах, да и сами одалживали рубли — «до полочки».

Потом мы с усердием завершаем евангельскую молитву:

— ...И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Однако бабушка читает молитвы ещё и ещё, а я наизусть ничего больше не помню и неподвижно жду, когда она наконец смолкнет и можно будет подняться с острых коленок. Я почему-то совершенно уверена, что Господь меня услышал и в результате всё устроит отлично. Долгов у нас не будет, а будет хлеб, мармелад, жир-лярд или даже постное масло и чай. Вернётся с фронта папа — это уже как фантастика. А ещё — привезут машину дров, и мы втроём будем таскать в сарай ароматные сосновые чурки. Ну а «лукавый»... Какой ещё там лукавый? Он тогда совсем не был страшен. И жизнь впереди казалась мне светлой и бесконечной.

Порой после молитвы, поднимаясь со вздохом, бабушка говорила:

— Запомни, детка, ничего более мудрого, чем десять Заповедей, которые дал Творец, человечество не придумало. — Распахнув кочергой дверцу печки, она подкидывала в огонь дрова, и отсветы пламени оживляли её доброе курносое лицо, живые глаза. — Не убий, не укради, не сотвори себе кумиров. На чужое не зарься,